

Диана Лизовская

**Я воскресла
в теле ведьмы**

Лизовская Д.

Л55 Я воскресла в теле ведьмы / Диана Лизовская. – М.: Литнет, 2026. – 184 с.

ISBN 978-5-521-99127-3

Смерть пришла ко мне не с косой, а с запахом расплавленного пластика и мокрой шерсти старых ковров. Она не спросила разрешения, просто вошла, как дым, и затащила внутрь, пока воздух трещал, а стены дышали жаром. Я спасала ребёнка... Небо над подъездом плавилось, время обугливалось, и кто-то, может быть, уже говорил: «поздно». Но огонь не убил меня. Он запомнил. И решил вернуть по-своему.

Когда я открыла глаза, пламя стало камнем. Белый свет свернулся в своды древнего зала, и вокруг стояли люди в плащах, пахнущих ладаном и пеплом. Они звали Лианну Морвель, ведьму, которую когда-то сожгли. А откликнулась я. И тело, к которому я вернулась, дышало, как чужой инструмент, готовый сыграть мелодию, из пока неизвестных мне нот. На запястьях были следы ожогов, на груди руна, тёплая, будто сердце не моё, но помнящее меня лучше, чем я сама.

С тех пор всё здесь движется иначе: воздух звенит от заклятий, пепел падает, как снег, но под пальцами он живой. Мир северный, строгий, в нём даже молчание выточено из холода. И всё равно внутри этого холода есть он. Мужчина с глазами цвета северной воды. Его взгляд режет воздух, как клинок, но когда он произносит моё имя, из-под кожи вспыхивает золото. Огонь узнаёт своего отражённого, и мне становится страшно, потому что этот страх напоминает дыхание.

Я не Лианна, но и не та, что сгорела в мире бетона и лифтов. Я кто-то между.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99127-3

© Литнет, 2026

© Лизовская Д., 2026

Пролог. «Огонь, который не мой»

Лифт застрял на седьмом. Двери дёрнулись и не открылись, как будто дом тоже боялся того, что происходило этажом ниже. Я уже бежала по лестнице, и воздух становился густым – пахло горелой пластмассой, мокрой шерстью старых ковров и чем-то сладким, как перед обмороком. В такие минуты мир сжимался до простых вещей: перила скользят под ладонью, ступени бегут, колени протестуют, а где-то внизу кричит ребёнок – коротко, сипло, как свисток, который уже почти не звучит. Я схватила шарф и намочила его из пластиковой бутылки – привычка из детских инструкций МЧС, смешная и упрямая, и прижала к лицу. «Огонь забирает, чтобы вернуть по-другому», – подумалось мне чужой фразой, и я оттолкнула её, как кошку, лезущую под ноги.

На пятом коридор уже дышал: жар выталкивал меня назад, как сильный человек, не желающий пускать в комнату. Тепло било не ровно, а пульсами, и каждый как удар сердца дома. Я упёрлась плечом в дверь с номером пятьдесят два, из-под которой валил дым, замок дрожал. Соседи галдели на площадке, кто-то молился, кто-то снимал на телефон, как будто чужая беда безопаснее через экран. Я крикнула:

– У кого ключи? Там ребёнок!

В ответ – «Скорую вызвали!», «Пожарные уже едут!», «Не лезь!» – стандартные молитвы к невидимому взрослому миру, который за нас всё решит. Но крик внутри меня уже перешёл на другую частоту, и я поняла: если ждать, останутся только объяснения, почему не получилось.

Я ударила в дверь ногой, раз, второй. Дерево хрустнуло, и струя дыма с рыжими искрами облизнула меня по щеке. Мир стал узким, как горлышко бутылки. Я рванула шарф выше, на глаза, чтобы не видеть ничего лишнего – глупая магия ткани. Внутри бы-

ло не видно ничего, кроме огня: он не просто горел, он двигался струями, языками, как зверь, которого разбудили слишком рано. Я пригнулась и поползла, считая вдохи: раз, два, три – выдох; раз, два, три – не кашляй.

– Алё? – сказала я в пустоту, потому что из памяти всплыло это мягкое «алё» вместо «эй», и стало легче. – Малыш, кричи. Где ты?

Ответом было хныканье, тоненькое, как струна: справа.

Я добралась до комнаты и упёрлась в жар, который шевелил волосы на руках, будто кто-то дышал в упор. Огонь пожирал синтетику на шторах и лизнул кресло у окна – оно уже светилось, как уголь. Ребёнок сидел под столом, прижав к груди мягкого медведя: большой, с потерянными глазами, и я подумала, как странно, что у медведя нет глаз, а у нас сейчас тоже может не стать.

– Слушай, – голос хрипел, но я заставила его прозвучать спокойно. – Мы играем в поезд. Я машинист. Стол – тоннель, а коридор – дорога. Ты ко мне, я тебя на руки, и мы выезжаем. Понял?

Он кивнул, растерянно и сосредоточенно, как кивают дети, когда мир вдруг предъявляет серьёзные правила. Я подползла, поднырнула, взяла его под мышки – лёгкий, горячий, как грелка. Медведь не помещался, и он упрямо не хотел его бросать. Я сказала в шарф:

– Возьмём всех. У нас большой поезд.

Мы двинулись назад. Пол потрескивал под коленями, и я представляла плитку как карту метро: каждая клеточка – станция, а выдох – прибытие. Где-то треснул телевизор, и стекло рассыпалось искрами. Одна упала на мою ладонь и прожгла кожу, я вдохнула боль и спрятала её в карман, чтобы ребёнок не заметил. В дверях огонь ударил нас лбом – резкий, как чужая ругань, и я поняла, что времени осталось ровно столько, сколько занимает одно «мама».

Толпа на площадке зашевелилась, кто-то рванулся вперёд, кто-то назад. Ребёнка кто-то подхватил, и из рук у меня вместе с ним вырвали медведя. Я хотела сказать: «Осторожно», но горло сжалось, голос стал как ножовка по стеклу. В этот момент воздух в коридоре

изменился, будто кто-то гигантский сделал шаг в комнате. Пламя втянулось, вдохнуло меня, и я увидела, как потолок прогибается, как тонкая корка льда на весенней луже.

– Назад! – крикнул мужчина в форме, вложив в это слово не язык, а всю свою жизнь.

Я подумала: «У меня тоже есть жизнь», – и всё равно шагнула вперёд, потому что там, за дымом, оставалась ещё чья-то дверь, и может быть, кто-то, кто не умеет кричать.

Взрыв был не громким, а глухим, как хлопок ладоней в церкви. Свет развернулся изнутри, как простыня, встряхнутая ветром, и на мгновение всё стало прекрасным: никакого дыма, никакой тесноты, только белизна, как первый снег под фонарём. Я подумала, что странно – умереть и увидеть не чёрное, а белое. Тело стало очень лёгким, почти смешным, как будто меня обменяли на шарик, который кто-то держит за ниточку. Я попыталась вдохнуть, и почувствовала чужое дыхание. Оно не было страшным, скорее – удивлённым, как если бы кто-то вдохнул вместе со мной, но глубже, шире, взрослее.

Я хотела сказать: «Я сама», – но рот не открылся. Белый свет под кожей зашевелился, и мне показалось, что в моих венах кто-то перебирает струны, проверяя, как они звучат. «Огонь забирает, чтобы вернуть по-другому», – сказала внутри, уже не моим голосом, и я наконец поняла, что спорить бессмысленно: поезд ушёл, тоннель сместился, карта мира перевернулась на другую сторону.

Когда свет начал краснеть, не как рассвет, а как кровь, поднесённая к глазам, я услышала, как где-то далеко плачет ребёнок. Плач уменьшался, превращаясь в шорох, а затем и вовсе пропал. Осталось только чужое, медленное дыхание, и моя ладонь, которую обожгла искра, вдруг стала прохладной, будто её держала другая рука. Я попыталась ухмыльнуться: «Ну здравствуй, незнакомка». И растворилась в белизне, как сахар в горячем чае.

Белый свет не исчез, он расслоился, как тонкая ткань под водой, и я поняла, что не держу себя в привычных границах: руки и но-

ги были понятиями, а не вещами, и это почему-то не пугало сразу, как будто организм, сброшенный с высоты, еще не успел сообщить мозгу, что мы летим. В этом молоке света слышалось дыхание, ровное, с длинным выдохом, словно кто-то рядом спал и не подозревал о моём присутствии. Я попыталась подстроиться под ритм, поймать его, как ловят чужую походку, чтобы не споткнуться, и только тогда заметила, что моё собственное дыхание идет вразнобой: вдох короче, выдох срывается, как будто я спорю.

– Эй, – сказала я, и звук вышел не из горла, а из самой мысли, сухо и буднично, как в пустой комнате на лестничной клетке. – Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не было, но воздух стал холоднее, почти стеклянным, и свет начал розоветь, робко, как впервые заговорившее лицо. Запястье, которого уже не существовало, вспыхнуло фантомной болью там, где в квартире меня обожгла искра, и я, как по привычке, прикрыла ладонью место ожога, хотя ладони тоже не было. Меня качнуло, в этом движении было что-то судорожное: словно меня вынесли на реку, где течение не быстрое, но решительное. Я спросила снова, потому что молчание – худший собеседник:

– Если это больница, дайте знак. Любой.

На самом краю слышимого будто кто-то мягко поставил книгу на стол. Очень простой, почти смешной звук. Я ухватила за него и подумала, что, может быть, нужно говорить не общими фразами, а как в лифте, который застрял: спокойно и к делу.

– Меня зовут Алиса. Я... я была в пожаре. Если вы меня слышите, скажите, всё ли в порядке с тем ребёнком? Мальчик, плюшевый медведь без глаза. Ему помогли?

Тишина не треснула, но в ней стало легче дышать. Белый свет набирал красноту и выплывал к краям, словно меня накрывали одеялом наоборот: не тёплым, а прохладным, с хрустом свежесглаженной ткани. Я подумала, что, может быть, это просто кислородная маска и я лежу на каталке, и где-то рядом ругаются врачи, а в новостях

уже показали фрагмент подъезда со словами «пожар ликвидирован». Я даже попыталась пошевелиться, чтобы поправить ремень безопасности, которого не было, и случайно попала в чужой ритм дыхания: он издал лёгкий удивлённый вздох, будто я наступила на чью-то тень.

– Простите, – сказала я автоматически. – Я не хотела.

В ответ изнутри прошла волна холода, как после мятной пасты, только не по зубам, а по всему, что от меня осталось, и я вдруг отчётливо услышала не просто вдохи и выдохи, а их возраст: это дыхание было старше, чем моё, спокойнее, в нём не было суеты города, где мы все живём, как будто опаздываем. Оно не торопило и не уговаривало, оно констатировало. Меня потянуло спросить глупость:

– Ты кто?

Когда слово «ты» прозвучало, свет стал алым, плотным, как кровь на ватном тампоне, и воздух утяжелился, словно меня перенесли из ванной на улицу в мороз. Я поняла, что ошиблась с местоимениями: это не «кто», а «что», или вообще не вопрос. Видения из учебников литературы полезли в голову – Данте с проводником, антресоли детской памяти, где хранятся всякие странные шкатулки. Я усмехнулась, и усмешка обожгла, будто меня отучали махать руками: ничего лишнего. Хорошо. По делу.

– Если ты меня ведёшь, води аккуратно. Мне нужно знать жив ли ребёнок. Это важно.

Чужое дыхание слегка ускорилося, словно кто-то, кто долго лежал на боку, повернулся на спину, и вместе с этим движением вся эта бело-алая камера начала скользить. Не падение, нет – плавное смещение, как если бы поезд входил в новый тоннель. Я вспомнила свою собственную игру в «поезд» под столом, голос, нарочито спокойный, и впервые испугалась того, что сохраняю ясность. В фильмах к этому моменту обычно идут вспышки воспоминаний, лица, объятия, школьный звонок, смех на кухне, всё в одном комке, а у меня наоборот: голова чистая, как лист. Будто кто-то заранее вымыл меня изнутри.

– Слушай, – сказала я наконец, чувствуя, что разговор с пустотой превращается в навык, – мне страшно. Но я не люблю, когда со мной молчат. Даже если ты ветер. Даже если небо. Скажи хоть что-нибудь.

Сказано было тихо, почти шёпотом мысли, и, возможно, именно поэтому ответ пришёл не словом. Изгиб света впереди дрогнул, и в алом проступил контур, похожий на рёбра величественной раковины или арки моста. Не видение, а намёк: мы действительно куда-то идём. Очищение через огонь, подумала я, вдруг вспомнив школьный реферат по мифологии, где герои то и дело проваливались в воду или шли по углям ради права стать кем-то другим. Я, кажется, не подписывалась. Но когда дышишь в унисон с неизвестным, договоры начинают подписываться сами собой.

– Если ты меня возвращаешь, – сказала я, медленно, чтобы не сбить ритм, – прошу: верни меня туда, где я смогу проверить, что он жив. Или... дай мне способ узнать.

Воздух чуть потеплел, холод отступил на толщину паутины, и где-то рядом, совсем рядом, словно впритык к щеке, прошептали не словом, а ощущением: «слышно». Я не поняла, речь ли о моём голосе или о том мальчике, но приняла как ответ. Свет в это время стал густо-алым, почти винным, и я заметила, что внутри этой густоты плавают крошечные золотые пылинки. Они двигались не хаотично, а как-то организованно, сбиваясь в тонкие дорожки, похожие на письма, которые кто-то пишет и стирает до того, как ты успеваешь прочесть. Я потянулась, чтобы коснуться – опять рефлекс: рука, пальцы, ногти, – и всё же ощутила, как эти пылинки прилипают к моему намерению и холодком прожигают его, оставляя едва заметный след.

– Ладно, – сказала я, вдруг очень спокойно. – Давай по правилам.

Чужое дыхание согласилось, не звуком, не кивком, а той лёгкой поправкой в воздухе, которую чувствуешь, когда кто-то смещает штору и в помещение входит новый свет. И мы пошли дальше, туда,

где алый собирался в арку, а золотая пыль выписывала аккуратные, ещё не прочитанные линии.

Камень подо мной был прохладным, как утро после бессонной ночи, и пах металлом и травой, будто кто-то разлил на плитах старый отвар. Я открыла глаза не сразу, потому что веки слушались, как чужие двери, — с запозданием и хрипом петель. Когда картинка сложилась, я увидела низкий свод с пересекающимися рёбрами, стены из тёмного камня, влажные, будто их недавно омыли. Надо мной нависал круг людей в длинных чёрных плащах с глубокими капюшонами. Лица были скрыты, только подбородки и губы поблёскивали в тени, как кусочки фарфора. Ладан или что-то на него похожее тянуло по воздуху, смешиваясь с еле уловимым запахом золы. Я подумала, что в больницах так не пахнет, а значит, мои догадки об операционной можно сложить в аккуратную стопку и сдвинуть в сторону.

— Дышит, — произнёс кто-то слева, голос низкий, профессионально спокойный.

— Тише, — ответили ему, и в этом «тише» было не «умолкни», а «пусть мир не услышит раньше времени».

Я попыталась приподняться на локтях и поняла, что тело движется с непривычной плавностью, как будто суставы смазали не тем маслом, к которому я привыкла. На коже ощущался холод, и только тогда я заметила, что лежу на сложенном из тканей подстиле — толстая шерсть, грубая, но чистая. По краям подстилки, на камне, мелом были выведены линии и знаки, похожие на музыкальные ноты и дорожные развилки одновременно. Я машинально провела пальцами по одному из символов — линия хрустнула, меловая пыль пристала к коже, и самый близкий ко мне плащ резко наклонился.

— Не трогай. — Женский голос, усталый, без раздражения, как у учительницы в конце учебного дня. — Ещё рано.

Я хотела спросить «где я», но вместо этого язык, как будто скачавший неправильную инструкцию, произнёс другое:

– Холодно.

Голос прозвучал ниже моего привычного, мягче, словно его обернули в тёмную ткань, и я не сразу признала его своим. В горле стоял вкус железа и травы, и за ним лёгкая сладость, как после детского сиропа от кашля. Капюшон напротив отклонился сильнее, и я увидела часть лица: узкие скулы, тонкий рот, едва заметные морщины в уголках, которые делают выражение человека серьёзным даже во сне.

– Холод пройдёт, – сказала женщина. – Дай телу вспомнить тебя.

«Телу вспомнить меня», – повторила я про себя, и это сочетание показалось мне неправильным, как криво подшитый подол: вроде держится, но хочется переделать. Ровное дыхание рядом отзывалось во мне и со мной, и теперь я чувствовала, как оно распределяет тепло, отталкивая холод к пальцам ног и рук, как воду в ванной разгоняют ладонями. Я подняла руку – длинные пальцы, тонкие фаланги, на внутренней стороне запястья едва поблёскивали розоватые линии, похожие на следы от ожогов, но правильные, будто кто-то писал ими иероглифы. Я не помнила у себя таких рук. Я вообще не помнила у себя этой длины.

– Скажите, – произнесла я, собирая слова, – ребёнок из пожара... он...

– Тише, Лианна, – перебил меня другой голос, мужской, с хрипотцой, как у людей, которые слишком много работают на морозе. – Не разрывайся. Сначала возвращайся.

Имя, которое он сказал, ударило сильнее холода. Я не Лианна. Я уже открыла рот, чтобы возразить, но внутри всё съёжилось: «Не топнись спешить себя защищать». Я закрыла его и спросила иначе:

– Это вы мне?

– Тебе, – подтвердил мужчина. – Мы звали тебя, и ты пришла.

– Я не... – Я попыталась подобрать слово «не та», но горло подвело. Выйдя, фраза могла стать слишком резкой. – Меня зовут Алиса. Или звали.